

5 Театр Пафос гуманности

Может быть, самое трудное, но зато и самое привлекательное в искусстве театра — это уловить и выразить во всем образном строе спектакля интонации голоса автора, сокровенный пафос его творчества, ему одному свойственное видение мира.

Как часто удивительно схожими становятся на сцене произведения драматургов совершенно различного склада, темперамента. Не в этом ли кроется причина того однообразия, борьба с которым сейчас становится одной из настоятельнейших потребностей нашего театра?

Спектакль Московского областного театра юного зрителя «Униженные и оскорбленные» не лишен недочетов. Не всем исполнителям оказался под силу сложный и противоречивый внутренний мир героев. Но в то же время от первой до последней картины вас не оставляет одно чувство: да, это Достоевский! Боль писателя за поруганное человеческое достоинство, пафос гуманности пронизывают спектакль, определяя его краски, ритм, атмосферу. Обостренная восприимчивость героев Достоевского, сила их страданий, нескладность и горечь их судеб становятся зримыми и наглядными.

Выразительными и экономными средствами режиссер В. Фридман и художник М. Сагадатский воссоздают мир, окружающий действующих лиц драмы. Грязновато-серые каменные громады домов, «тяжелое петербургское небо», грязные закоулки огромного города, убогие сырые мансарды и мрачные трактиры становятся не просто фоном, а той почвой, вне которой невозможно понять характеры героев, конфликты между ними. Все это, вместе с правильно найденным самочувствием, строит душевной жизни каждого из персонажей, и создает то ощущение своеобразия автора, которое кажется самым главным достоинством спектакля.

Одновременно режиссер акцентирует наше внимание на самых сильных сторонах произведения, усиливает звучащее здесь осуждение социальной несправедливости, избегает опасности поэтизации страдания, сентиментальной умиленности, которые также присущи творчеству писателя.

Проклятием сытым и жестоким, а не идиллией всепрощения заканчивается спектакль. Униженные и оскорбленные предстают здесь людьми больших чувств, душевной чуткости, человеческого достоинства. Такова Наташа в исполнении И. Хрусталева, таков Иван Петрович у Н. Чеканникова. Есть много общего в натурах этих двух людей, обманутой и брошенной девушки и молодого, бьющегося в нужде литератора-разночинца. Это их отзывчивость к человеческому горю, их сердечность и чистота, немногословная сдержанность и затаенное страдание, неспособность к борьбе за свои поруганные права. Слож-

ный, напряженный в душевных муках, исполненный большого человеческого достоинства внутренний мир своей героини Н. Хрусталева передает с исключительно точным ощущением авторского замысла. И уже в одном этом образе до конца, с исчерпывающей полнотой раскрывается тема произведения.

В труднейшую, трагедийную по сути роль Нелли молодая артистка Н. Суринова вкладывает много искренности и темперамента. Озлобление, замкнутость этой исковерканной жизнью девочки и живущая в ее душе огромная потребность любви, ласки передаются артисткой сильно и страстно. Правда, между этими двумя основными чувствами есть еще масса оттенков и переходов, но они пока еще недостаточно выявляются исполнительницей.

К миру униженных и оскорбленных принадлежат и родители Наташи, старики Ихменевы. К сожалению, их образы наименее удались. Внешняя порывистость и горячность Николая Сергеевича (Б. Монастырский), его постоянная экзальтация не всегда оправданы, кажутся порою нарочитыми, а О. Широкова, играющая его жену, не может выйти из круга будничных, мелких переживаний, подняться до уровня драмы страдающей матери.

В. Знамеровский очень верно понял и передал образ Алеши, искреннего и доброго, но совершенно бесхарактерного, наивного и лишеного каких бы то ни было духовных устоев.

Совсем другими красками пользуется театр, характеризуя тех, кто изломал, искалечил жизнь честных людей.

Холодный цинизм, надменность, презрение к окружающим, ничем не прикрытый хищный эгоизм сразу угадываются в облике князя Валковского (В. Богаченков). Может быть, не следовало только эти правильно найденные черты открывать зрителю уже в первой встрече князя с Наташей. Другая сторона «жесточкого мира», еще кое-как прикрытая в облике князя флером светского лоска, прямо и грубо предстает в фигуре трактирщицы Бубновой, неуклюжей полупьяной и злой бабы. Д. Важенина сумела в небольшом эпизоде создать не только законченный характер, но и определенное социальное обобщение, характерное для той эпохи.

В третий раз в нашем городе проходят гастроли Московского областного театра юного зрителя. За предыдущие встречи как взрослые, так и дети успели уже полюбить этот коллектив, лучшим работам которого свойственна хорошая простота и безыскусственность, умение глубоко и точно проникнуть в идейно-художественный замысел автора.

При новой встрече приятно убедиться, что искусство театра не стоит на одном месте, что оно растет и совершенствуется.

В. НИКОЛАЕВ.